

ОНТОЛОГИЯ: БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

И.Н. Сиземская

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10428

«СУЩЕЕ НЕ ДЕЛИТСЯ НА РАЗУМ БЕЗ ОСТАТКА»: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О ПОНЯТИЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ СПОСОБЕ ПОСТИЖЕНИИ БЫТИЯ

Аннотация. Предметом авторского исследования является понятийно-художественный способ постижения мира в качестве особенности отечественной философско-общественной мысли. В этой связи в статье рассматривается исторически развившийся в её рамках союз философии и поэзии, который автор делает объектом своего внимания и интерпретирует как генетический код русской духовной культуры. Единство творчества, подчиняющегося доводам *ratio*, и художественного созерцания, оперирующего образами, создавали общее для философии и поэзии смысловое поле: тайны космоса и человеческого бытия, жизни и смерти, свободы и необходимости, добра и зла. Обращаясь к этому смысловому полю, автор убедительно показывает, в чём состояло своеобразие того пути, по которому шло развитие русской философии и поэтической лирики в XIX веке.

Основой методологии исследования стал принцип «целостности» бытия и философского осмысления мира, неразрывности умозрения и жизни. Осуществлённое в соответствии с такой методологией исследование позволило автору сделать доказательным вывод о том, что в объяснении мира «поэзия сердца имеет такие же права, как поэзия мысли».

Интерес и новизну представляет авторский анализ опыта русской философской лирики от её зарождения в России (начало XIX века) до наших дней, включение в него исследований проблемы важнейшими представителями отечественной философии — Вл. Соловьёва, Мережковского, Франка, Степуна, Булгакова, И. Ильина, Зеньковского. Статья снабжена обширной, в том числе новейшей, историографией по рассматриваемой теме.

Ключевые слова: философская рефлексия, русская философия, понятийное мышление, эмоциональное мышление, рационализм, художественное созерцание, цельное знание, мировоззрение, духовный опыт, поэзия, философская лирика, «поэт мысли».

*В неразрывности теории и практики,
отвлечённой мысли и жизни, иначе
говоря, в идеале «целостности»
заключается, действительно, одно
из главных вдохновений русской
философской мысли.*

В.В. Зеньковский

1. «Не в отмену логике, а в наполнение её живой предметностью»

«Сущее не делится на разум без остатка» — это известное изречение великого Гёте, в общем, не требует разъяснений. Тем не менее, возникает вопрос:

а что после «деления» оказывается в остатке? Если признать, что разум есть *сфера необходимости* (что, вроде, не вызывает сомнения), то в «остатке» окажется то, над чем разум не властен, или властен не всегда. Значит, в остатке — творчество, не скованное формальными законами логики, жёсткими схемами доказательств, неукоснительными доводами *ratio*, заданными «форматом» понятийного мышления. В остатке, иными словами, — *сфера свободы*, в границах которой, пусть условных, концепты и истины познавательной деятельности обретают краски обликов, наполненных ценностными смыслами и символами человеческой жизнедеятельности. «Остаток» — это сфера Духа, творящего

без оглядки на цензуру со стороны «ratio». Вопрос в том, какое место занимает философия, создавая свои картины мироздания, между полюсами этих двух видов деятельности. Для понимания специфики русской философии, вошедшей в историю европейской философской мысли в различных жанровых ипостасях (роман, поэзия, литературная критика, эпистолярный жанр) этот вопрос представляется существенным. Почему её представителей постоянно «тянуло» к художественным формам миропонимания? — Особенности менталитета, специфика исторического времени, обострённое чувство неполноты рационального постижения сути бытия и интуитивные стремления к целостному восприятию мира? А может, скопившаяся эмоциональная усталость от исторически установившихся стандартов образа жизни и мыслей, сковывающих свободное проявление личных интересов и наклонностей? Или протест против признания универсальными познавательных принципов утверждавшегося позитивизма, «иссушающих ум наукою бесплодной»? — Видимо, всё это вместе взятое, но главное, думаю, складывающееся убеждение, что «все ложные выводы рационального мышления зависят только от его притязаний на высшее и полное познание истины» и потому ему следует осознать свою ограниченность, перестать видеть в себе единственное орудие познания, признать свои выводы условными, как «относящиеся единственно к его ограниченной точке зрения»¹.

Следует заметить, что в России об этом задумались много ранее, чем на Западе. Более того, совмещение художественного и философского способов осмысления мира стало специфическим чуть ли ни с истоков философской мысли, определив её *генетический код*, а с этим главный вектор развития отечественной духовной культуры, который П.В. Флоровский определил как «*философское беспокойство*». Последнее стало играть роль своеобразного путеводителя в научных и художественных поисках, помогая облекать абстракции разума в живую плоть зримых образов и понятных смыслов, обогащая философские умозрения интуитивными прозрениями, а художественные образы наполняя смыслом.

Для философии это имело и то значение, что близость с художественным восприятием мира

облекала её в форму *мировоззрения*, в рамках которого философские идеи живут более свободной жизнью, нежели в рамках логико-формальной системы, а мир предстаёт в богатстве эмоциональной окраски всех его проявлений. В мировоззрении уместны интуиция, сближение рационального опыта с моральным, с эстетическим, возможен синтез творческих порывов души с достижениями разума. О близости отечественной философии с мировоззрением говорил В.В. Зеньковский, подчёркивая, что русские философы всегда искали «синтетического единства всех сторон реальности» и потому обращались ко всем движениям человеческого духа. Того же мнения придерживался С.Л. Франк, связывая эту особенность отечественной философской мысли с тем, что все её представители рассматривали область субъективного, духовной жизни человека как реальность, связанную с космическим и божественным. Любое мировоззрение — это сфера внутренней жизни человека, предопределяющая его отношение к миру и объяснение своего места в нём. Оно может быть выражено в системе силлогизмов, а может в совокупности образов-символов; превалирование одних над другими может быть различным, — не в этом суть. Важно, что в рамках мировоззрения понятийное и образно-символическое восприятие человеческого бытия внутренне связаны почти Боровским «принципом дополнительности». Случилось так, что в русской философии вплоть до середины XIX века (до появления первых философских систем) преобладала образно-символическая интерпретация мира, и потому наиболее значительные философские идеи высказывались не в систематических трудах, а в более свободных формах — литературе, публицистике, в поэзии. Некоторые исследователи долгое время склонны были оценивать отмеченный факт как своеобразную инфляцию философского понятийного аппарата. Я думаю, дело в другом. — Определившийся способ философствования был наиболее *аутентичен исторически сложившейся национальной культуре*. В её контексте философская рефлексия являла себя как функция ума, который не только понимает, но и *ведает*, насыщенный эмоциональной энергией, т.е. *переживает и чувствует*.

Такая ситуация выявила общее у философии и художественного творчества смысловое поле — тайны космоса и человеческого бытия, жизни и смерти, необходимости и свободы, добра и зла, а с

¹ Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 266.

этим линии сопряжения мыслительных и художественных средств в общем процессе постижения мира. В этом смысле, насколько справедливо распространённое утверждение, что XIX век был для России «литературно-центристским», настолько же справедливо утверждение, что он был веком «философско-центристским». Я имею в виду как значимость и степень влияния философии на все сферы художественного творчества, так и факт сложившегося в её границах согласия чувственного и сверхчувственного опыта — согласия, открывшего для отечественной мысли *свой путь* решения философских проблем и свои формы философского творчества. Прилежно учась у Запада, отечественная философия к середине XIX века вышла на *свой путь* развития. Её кредо признанный авторитет по истории русской философии В.В. Зеньковский сформулировал предельно чётко: познание, в том числе и в форме философского умозрения, есть лишь функция нашего действительного поведения в мире, «оно есть некое событие в процессе жизни, а потому его смысл, задачи и его возможности определяются из общего отношения нашего к миру», и это «выражает не примат «реальности» над познанием, а включённость познания в наше отношение к миру, в наше «действие» в нем»².

Наиболее многогранно и ярко включённость познания в эмоционально-образное отношение к миру выражает искусство, а среди его жанров — поэзия. В пору своего Золотого века она выговаривала своим языком более, чем могла сказать в России философия, заняв рядом с ней достойное место, доказывая, что «поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли» (Н.Г. Чернышевский).

2. «Поэт создаётся силой внутренней мысли»

Во все времена между художником и мыслителем существовало органическое духовное сродство, не случайно все подлинные представители каждой из этих форм творчества сочетали в себе оба духовные начала, демонстрируя, что философия и поэзия связаны друг с другом «глубоко интимно» (Франк).

Эта связь принимает различные формы. В одном случае в ткань поэтического текста по-

этом сознательно включаются «философские сюжеты», тогда рождается своеобразная «философская поэзия на заказ», и речь идёт не о ней. В другом случае философ и поэт «соединяются» в одном лице, что в истории отечественной духовной культуры не было редкостью. На поэтическое творчество ложится печать философских воззрений его субъекта, пример тому — поэзия Вл. Соловьёва, которая зачастую дополняет его софиологию. Поэтому смысл многих стихотворений Соловьёва ускользает от читателя, если он не знаком с последней («Бескрылый дух, землёю полонённый», «Какой тяжёлый сон!», «В Альпах», «Бедный друг, истомил тебя путь», «Милый друг, иль ты не видишь...», «Ответ на плач Ярославны»). Наконец, есть такая форма близости философии и поэзии, внутри которой философская рефлексия являет себя «на равных» с образно-эмоциональным мышлением, а художественные интуиции полны философского содержания. В творчестве таких «поэтов-мысли» нет отвлечённых систем, и тем более философской дидактики, но их художественные образы несут метафизический смысл, демонстрируя, что у поэзии есть своя собственная метафизика. Художественные образы, лишённые самодовлеющего значения, выступают как символы, «продвигающие» ум к постижению глубин мироздания. Такому поэту

..... в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!

(А.К. Толстой)

Такой — философской — лирике доступно ощущение запредельного, приближающее к видению тех сторон бытия, за которыми скрыта его тайна, заставляющая биться сердце поэта на пороге «двойного бытия»: *видеть тьму и слышать молчание*. Не случайно так значима, начиная с В.А. Жуковского («Невыразимое», 1819), для многих поэтов тема молчания (Silentium) как проявления глубокого и высшего погружения в тайны мироздания, в тайны человеческой жизни. — *Молчание как способ выразить* то, пред чем «язык немеет», когда хотим «Прекрасное в полёте удержать», когда «всё необъятное в единый вздох теснится». *Молчание как состояние души*, которой известна Тайна, с которой она боится поделиться — слишком сокровенна и значима она для неё.

² Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 21.

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.....
Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, -
Внимай их пенью — и молчи!*

(Ф.И. Тютчев)

В такие минуты для поэта «мысль, изречённая есть ложь», потому что бессильна выразить прозрение, доступное лишь поэтике слова, языку искусства, прозрению, не подменяемому никакими другими словесными иллюстрациями. «Подлинное Творчество, — справедливо отмечает О. Панова, — должно иметь «опыт молчания», чтобы, обнаружив в слове материально-вещное, возвысить его до идеально-символического; быть способным к примирению крайностей, сопряжению в Слове «небесного» и «земного» начал»³. Поэзия возникает из этого опыта молчания, открывающего поэту путь через доступные ей средства поведать о близости Земли к Небу. Нередко такая попытка кончается для него мучительным страданием.

*Когда восстанет в тьме ночной
Вся роскошь дивная созданья
Перед задумчивой душой;
Когда в груди его сберётся
Мир целый образов и снов,
И новый мир сей к жизни рвётся,
Стремится к звукам, просит слов,
Но звуков нет в устах поэта
Молчит окованный язык,
И луч божественного света
В его виденья не проник.
Вотще он стонет иступлённый;
Ему не внемлет Феб скупой,
И гибнет мир новорождённый
В груди бессильной и немой.*

(А.С. Хомяков)

В поэзии, близко, интимно, связанной с философией, соединяется два ряда значений-символов —

мира земного, эмпирически-реального, и мира мистически-идеального. Такова вся пантеистическая поэзия Ф.И. Тютчева и А.А. Фета, поэзия М.Ю. Лермонтова с её борьбой небесных и земных устремлений человеческой души, «поэзия ночи» А.А. Голенищева-Кутузова, поэзия Я.П. Полонского с её противопоставлением осязаемого мира Прекрасного тёмной бездне жизни, в которой переплетаются корни болотных трав, «подобно тысяче живых зелёных змей». Но именно благодаря этой способности увидеть под земным «златотканым покровом» иной мир, его беспредельность, а когда и его отрицательную бездну, эти поэты в постижении мира достигают граней, не доступных философу-мудрецу. А главное, как прозревшие пророки, они находят в себе силы на предостережение: «О, бурь заснувших не буди; под ними хаос шевелится...». Каждый из них, как истинный художник, «есть не только «жрец прекрасного» (Пушкин), но и жрец *мировой тайны*, постигаемой в глубине сердечного созерцания. Он внемлет ей и в «дольней лозы прозябании», и в «подводном ходе гад морских», и в «криках сельских пастухов»⁴. Без тайны, бессознательно выношенной и увиденной поэтом, т.е. без *художественного тайноведения* нет не только поэзии и искусства, но и подлинной философии как знания о Бытии и предназначении человека в этом мире, о смысле жизни, о ценности добра, нет для человека окружающего его мира — многокрасочного, объёмного, живого. *Культ тайны* — это общий идол философии и искусства.

Творчество поэтов, умевших соединять образность художественного созерцания с глубиной мыслительного постижения мира, занимает особое место в отечественной поэтической лирике. Ещё в XIX веке литературной критикой оно было обозначено понятием «*философское направление русской поэзии*». Это понятие, по оценке Е.А. Маймина, адекватно отражало особенности и вектор поэтического развития той эпохи. Для нашего рассмотрения проблемы важно отметить, что это понятие одновременно отражало особенности и вектор развития *философской мысли* этого времени.

О философской поэзии в России первым заговорили в начале 20-х годов XIX века «любомудры», организаторы известного философско-литературного кружка «Общество любомудров» (И.В. Киреевский, Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков), последователи немецкого романтизма (братья Ф. и

³ Панова О.Б. Русская философия о природе и сущности языка. Статья 2. Эстетика невыразимого // Философские науки 2013. № 4. С. 65. См. так же этого автора: Статья 1. «Оправдание логоса» // Философские науки. 2013. № 3; Статья 3. Поэзия и память // Философские науки. 2013. № 3.

⁴ Ильин И.А. Что такое художественность // Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. С. 253.

А. Шлегели, Новалис, Тик, Вакенродер) и немецкой идеалистической философии. Интерес к последней не был случаен — он отражал утвердившееся к этому времени повышенное внимание со стороны образованной молодёжи к философии вообще и к Шеллингу, в частности. Идеи Шеллинга, который в художественном постижении мира усматривал высший род целостного знания, а в поэзии видел способ выражения гармонии мира, связи человеческой жизни с жизнью вселенной, были очень популярны в России. «Любомудры» с воодушевлением восприняли мысль о связи философии и поэзии. «Истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения.<...>У нас чувство некоторым образом освобождает от обязанности мыслить», — писал Веневитинов⁵. Упрёк, в адрес отечественной поэзии вряд ли можно принять в полной мере, но воодушевлённость молодых искателей нового стиля в поэзии их оправдывает. Через их художественные новации рождалось новое отношение и к философской мысли, ставшее своеобразным знаком времени. Это отношение они сами зафиксировали понятием «созвучие ума и сердца». От поэзии потребовали быть «пронизанной мыслью»⁶.

Быть «проникнутой существенностью» «любомудры» требовали не только от поэзии. Как справедливо заметила Л. Гинзбург, требование мысли становится общезначимым литературным критерием. Утверждается мнение, что художественному чувству открывается в его образах тот же смысл бытия, который философией выражается в понятиях и силлогизмах и добывается, как скажет позже Вл. Соловьёв, «как истина мышления, а нравственной деятельности даёт о себе знать как безусловное требование совести и долга», добавив, что это «различные стороны или сферы одного и того же»⁷.

«Любомудры» много писали о «думающей поэзии», доказывая, в том числе своим поэтическим творчеством, что «поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли».

Особое место в ряду «поэтов-мысли» занимал Д.В. Веневитинов. За свою недолгую жизнь он написал немного стихов, впервые они были собраны в посмертном издании поэта в 1829 году. Философскую направленность его лирики («Жизнь», «Жертвоприношение», «Я чувствую во мне горит...», «Сонет», «Поэт», «Утешение») отмечал и ценил В.Г. Белинский. Поэзия Веневитинова была полна философских размышлений и интуиций, а поэтические образы, по оценке Киреевского, были «прочувствованными открытиями ума». Столь же философична, но с более выраженной гражданской направленностью, была поэзия Хомякова («Желание», «Вдохновение», «Мечта», «Видение», «Два часа», «Раскаявшаяся Россия»), Кюхельбекера, выпустившего несколько номеров литературного журнала «Мнемозина», ставшего фактически печатным органом «любомудров».

Философская лирика нашла продолжение в 30–40-е годы. Её мотивы оставались ведущими в поэзии Е.А. Баратынского («Истина», «Череп», «Смерть», «Мой дар убог, и голос мой не громок»), начинающего Ф.И. Тютчева («Silentium!», «О чём ты воешь, ветр ночной?», «Тени сизые смешались»), Н.П. Огарёва («Когда в часы святого размышленья...», «Смутные мгновенья», «Монологи»), М.Ю. Лермонтова, вся поэзия которого есть художественное созерцание жизни с недостижимых высот неба. Поэт, как никто ни до него, ни после него, умевший говорить о жизни, свободе, любви, бросил людям из своей загадочной вечности вопрос, который, наверное, до скончания мира будет повторять каждое поколение:

*Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут!*

Следующее за сороковыми годами поколение «поэтов-мысли» (А.А. Голенищев-Кутузов, Я.П. Полонский, К.К. Случевский, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, В.С. Соловьёв) тоже оставят своё философско-поэтическое наследие, но это уже будет другое историческое время, и над ним будут витать другие философские идеи.

Итак, сформировавшись под влиянием идей немецких романтиков и Шеллинга, русская фило-

⁵ Веневитинов Д.В. Полн. собр. соч. М.-Л., 1934. С. 218.

⁶ О «поэтах-мысли» 30-х годов XIX века, их эстетических идеалах и поисках нового литературного стиля ещё в 1926 году в Очерке «Опыт философской лирики. (Веневитинов)» писала известный литературовед Л. Гинзбург. Позже этот очерк как глава «Поэзия мысли» вошёл в её книгу «О лирике», вышедшей несколькими изданиями. Последнее издание с предисловием А.С. Кушнера вышло в 1997 году. Книга Гинзбург по праву считается одной из лучших работ по истории русской поэзии «золотого» и «серебряного» веков — от Жуковского и Пушкина до Блока и Мандельштама.

⁷ Соловьёв Вл. Ф.И. Тютчев // Соловьёв Вл. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 287.

софская поэзия многими нитями была внутренне, органично связана с исторически утвердившимся способом философствования, отличавшимся сильной импульсивностью, склонностью предпочитать отвлечённым построения, идеи, наполненные «живым знанием» (Киреевский). Тот особый характер связи отечественной философии и русской поэзии, о которой шла речь, стало *атрибутивным свойством русской духовной культуры* на всё время её последующего развития вплоть до наших дней, иногда вопреки тем обстоятельствам, в которые её включало движение истории. В этом плане не могу не согласиться со следующим суждением А.П. Давыдова: «Логика поэтического мышления, ценности художественного видения и философствования прямо отражают процессы, идущие в культуре, и сами являются выразителями этого процесса»⁸. Понятно, что это суждение верно не только относительно отечественной культуры. Но в контексте нашего рассмотрения темы к ней оно относится в полной мере.

Сказанное совсем не приуменьшает «собственную составляющую» поэзии, лежащего в её основе *художественного созерцания* — того чарующего откровения человеческой души, которое подвластно только искусству. Очевидно, что это откровение и сила его воздействия находятся в определённом согласии (или несогласии) с окружающим человека предметным миром и социальными реалиями, в которых он живёт. Только при этом условии душа способна воспринимать и воплощать в доступных ей поэтических образах всеобщие смыслы и ценности человеческой жизни. Вдохновение поэта, вызванное его субъективными переживаниями, не произвольно в том смысле, что вызвано погружением души в окружающий её мир, а душа, в свою очередь, открыта для восприятия его предметности. В этом суть и сила поэтического вдохновения. Таким образом, не только согласие ума и сердца, но и сопряжённость творческого созерцания с миром, в котором живёт поэт, лежат в истоках его вдохновения. И это тоже сближает поэзию с философией, а философию с поэзией, — приоритета в этом общем согласии нет ни за одной стороной, если речь идёт о *творчестве*. Но позволю себе обратиться в подтверждение сказанному снова к поэтическому тексту.

*Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную
Учуять ветр с цветущих берегов,
Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим;
Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец, -
Вот чем певец лишь избранный владеет!
Вот в чём его и признак и венец!*

(А.А. Фет)

Под этим признанием, «подпишется» не только поэт.

3. «Согласие» философии и поэзии как предмет философской рефлексии

Предметом философской рефлексии связь философии и поэзии стала в конце XIX–начале XX века (Вл. Соловьёв, Д.С. Мережковский, В.Ф. Саводник, П.П. Перцов, С.А. Андреевский, В.В. Розанов, И.А. Ильин, позже на страницах журналов русского зарубежья — С.Л. Франк, С.Л. Булгаков, В.В. Зеньковский, Г. Струве). Объектом внимания стало творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого, А.А. Голенищева-Кутузова, А.В. Кольцова, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, А.Н. Апухтина, К.К. Случевского, А.А. Фета — фактически вся отечественная поэзия XIX века.

Позволю себе назвать лишь некоторые из исследований. Вл. Соловьёв. «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского». Впервые статья была опубликована в 1890 г. Ей предшествовали две важные работы по эстетике, с которыми связано начало цикла философско-критических статей о русской поэзии — «Красота в природе» (1884) и «Общий смысл искусства» (1890). Статья посвящена последнему прижизненному выпуску «Вечерних огней», с которым Соловьёва связывала тесная дружба не одно десятилетие. В подзаголовке статьи стоит имя Полонского, но ему отдельная работа «Поэзия Я.П. Полонского. Критический очерк» будет посвящена позже (1896). Вл. Соловьёв. Импрессионизм мысли. Стихотворения К. Случевского. Статья впервые была опубликована в 1896 г. Вл. Соловьёв. Поэзия

⁸ Давыдов А.П. Духовной жаждою томим. А.С. Пушкин и становление «серединой культуры в России». М., 1993. С. 10.

гр. А.К. Толстого. Впервые статья была опубликована в 1890 г. **Вл. Соловьёв**. Ф.И. Тютчев. Статья была написана по просьбе П.П. Перцова для его сборника «Философские течения русской поэзии» (1896), но первая её публикация относится к 1895 г. В журнале «Вестник Европы». Статью Соловьёв планировал поместить в оставшуюся неосуществлённой книгу о русских поэтах. Названные работы философа см.: Соловьёв Вл. Стихотворения, Эстетика. Литературная критика. М., 1990. **Б.В. Никольский**. А.А. Фет. Статья написана в 1896 г. Для сборника Перцова. Никольский составитель первого посмертного полного собрания стихотворений поэта (1901, 1910), в который названная статья была включена под названием «Основные элементы лирики Фета». В сокр. варианте статью см.: Поэзия как жанр русской философии. М., 1207. **В.Ф. Саводник**. Поэзия Вл. Соловьёва. Статья, представляющая собой первую попытку анализа поэзии Соловьёва, была опубликована в 1901 г. **В.Ф. Саводник**. Е.А. Баратынский. Критический очерк. С сокращением обе статьи опубликованы: Поэзия как жанр русской философии. Антология. М., 2007. **С.А. Андреевский**. Литературные чтения. Баратынский, Достоевский, Гаршин, Некрасов, Лермонтов. Лев Толстой. СПб., 1896. Статьи о Лермонтове и Баратынском см.: Поэзия как жанр русской философии. Антология. М., 2007. **И.А. Ильин**. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. В сборник включены работы разных лет по искусству и художественному творчеству, о Пушкине и Мережковском. **Д.С. Мережковский**. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. В сборник вошли статья «Две тайны русской поэзии» о Некрасове и Тютчеве. **С.Л. Франк**. Космическое чувство в поэзии Тютчева. Работа впервые опубликована в 1913 г. В сборнике «Живое знание» (Берлин). См.: Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. **С.Л. Франк**. О задачах познания Пушкина. Статья была опубликована в 1937 году в юбилейном «Белградском пушкинском сборнике». См.: Франк С.Л. Этюды о Пушкине. М., 1999. **Г.П. Федотов**. Певец империи и свободы. Статья о Пушкине впервые была напечатана в 1937 году в журнале «Современные записки». См.: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век. Москва-СПб., 1999. **Ф.А. Степун**. А.С. Пушкин. Статья впервые опубликована в 1949 г. **Ф.А. Степун**. Духовный облик Пушкина. Впервые напечатана в «Вестнике РСХД» в 1962 г. См.: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век. М., 1999.

В 1896 году по инициативе П.П. Перцова была предпринята попытка издания сборника «Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.В. Никольского, П.П. Перцова и Вл. Соловьёва»⁹. Идея книги, как её определил сам составитель, — разъяснение и определение философских течений отечественной поэзии. Книга включала 12 очерков известных исследователей и литературных критиков о творчестве и мирозерцании поэтов, начиная с А.С. Пушкина и кончая поэтами второй половины века. Каждый из очерков был посвящён философскому анализу творческого наследия поэта, а весь сборник подчинён цели показать, что поэзия, будучи сферой разного мышления, обращена к мысли, что «союз» эмоционально окрашенного восприятия (переживания, своеобразного «дочувствования» истины) и умопостижения мира возводит мост между Красотой и Истиной, художественным творчеством и философией, открывая путь к прозрению мира. Последнее есть главный нерв, предельное напряжение и художественного и философского творчества. Этот факт, считал один из авторов Сборника позволяет назвать поэзию *прикладной философией*: ведь, она приобщает через поэтические образы к пониманию и объяснению мира, его философскому осмыслению, хотя, естественно, поэт и философ идёт к этому своим путём.

Первая попытка создания Антологии философско-литературных эссе об отечественной философской поэзии и её роли в истории российской философской мысли имела своё продолжение. Союз философии и поэзии как специфическая черта отечественной философии стал предметом анализа В.В. Зеньковского в его Очерке «Философские мотивы в русской поэзии»¹⁰. Примечательно, что идея Очерка возникла у автора при его работе над трудом «История русской философии», что, видимо, можно признать знаковым фактом: адекватное изложение истории отечественной философии об-

⁹ В 1898 году сборник вышел вторым изданием, но, по всей видимости, это было «титальное издание»: нераспространённая за это время часть тиража просто получила новый титульный лист.

¹⁰ Очерк был опубликован в «Вестнике РСХД» в 1959 году в №№ 52, 54, 55. Впервые, с некоторыми сокращениями, Очерк был воспроизведён на страницах отечественного издания 2007 году в Антологии «Поэзия как жанр философии» (Сост., автор вст. статьи и науч. комментариев И.Н. Сиземская. М., 2007).

ращало к философской лирике как к жанру, который сыграл особую роль в развитии отечественной философской мысли в XIX веке. Зеньковский считал, что есть все основания искать в искусстве, в частности в поэзии, философские мотивы, которые могут многое объяснить (и потому должны быть учитываемы) в философских построениях этого времени, если мы хотим найти в последних их национальное своеобразие.

«Когда я работал над своей книгой «История русской философии», — писал Зеньковский, — мне очень хотелось написать особую главу (в качестве приложения) о «философских мотивах в русской поэзии». Тогда, по разным условиям, это мне не удавалось, но я надеюсь, если хватит сил, сейчас выполнить эту задуманную мной работу». К сожалению, намерениям Зеньковского не суждено было осуществиться. Очерк, в том виде, как он был напечатан в «Вестнике РСХД» (1959г.) включает: «Вводные замечания», Первую главу «До Пушкина», Вторую главу «Пушкин и его современники», Третью главу «Ф.И. Тютчев» и главу (без указания номера) «А.К. Толстой».

Рассматривая художественное творчество, как эмоциональное мышление, Зеньковский обращается к творчеству Державина, Жуковского, Пушкина, Баратынского, Веневитинова, Тютчева, Толстого, прослеживая, как, начиная с Ломоносова утверждались в отечественной поэзии мотивы «запредельного» («Открылась бездна звёзд полна, / Звездам числа нет, бездне дна...»), приближавших её к метафизике «безличных начал» жизни — бесконечности пространства, жизни, времени (Державин), делая поэзию «Богом в святых мечтах земли» (Жуковский). Центральной фигурой Очерка является Пушкин — «гениальный поэт и выдающийся мыслитель», по оценке Зеньковского. Сквозь «магический кристалл» поэтического творчества Пушкина открываются очищающие душу красота мира, чудные мгновения земной жизни, «вожделенный берег» мечты, «животворящая святыня» родной земли, без которой «наш тесный мир — пустыня, Душа — алтарь без Божества». В поисках своих целей, форм, направлений в творчестве Пушкину, считал Зеньковский, принадлежит открытие того, что эстетическое восприятие мира влечёт к «соседству Бога». С Пушкина начинается Золотой век русской поэзии, давшей отечественной культуре «поэта мысли» Баратынского, раньше других увидевшего главную болезнь наступающей на «ребяческие сны поэзии» новой цивилизации:

*Все шествуют путём своим железным;
В сердцах корысть, — и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.*

Это была оценка идущей новой культуры не просто поэтом, и даже не «поэтом мысли», — это был *приговор философа*.

Столь же богатой философскими прозрениями, по оценке Зеньковского, была поэзия Тютчева, А. Толстого, Фета. Их творческое созерцание приближалось к философскому видению мира. Особенно яркой звездой на поэтическом небосклоне был Тютчев, в поэзии которого трудно отделить поэтические откровения души от работы мысли, а некоторые из самых его замечательных стихотворений дают образцы превосходной поэтической обработки мыслей, рождавшихся независимо от его поэтических прозрений. Его поэзия, считал Зеньковский, очень часто была «к услугам именно мысли», поэтому позже многие исследователи его творчества часто не отличали у Тютчева его поэтических интуиции от поэтической обработки чисто мыслительных построений. Но последние не были плодом только *ratio*. — Как у истинного поэта они «жили рядом» с миром «таинственно волшебных дум», рождавших ощущение слитности мирового бытия и собственного «Я»: «всё во мне, и я во всём». Это известное изречение Тютчева несло в себе глубокий философский, метафизический смысл: мы только льстим себя тем, что наше «я» обладает независимым, своим бытием, на самом деле оно тысячами нитей связано с бытием всего человечества, с космосом, со Вселенной. Для характеристики этой черты мироощущения Тютчева, ярче всего выраженной в его «философии ночи» Зеньковский вводит понятие *имперсонализма*, приводя для примера следующее признание поэта:

*Природа знать не знает о былом
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаём
Самих себя лишь грезою природы.*

Подводя итог рассуждениям и оценкам отечественной философской лирики Зеньковским, приведу его слова, сказанные в адрес А. Толстого: «Самое существенное и основное в поэзии Толстого, чем не может не вдохновляться философское раздумье, это его живое ощущение того, что мир видимый корнями своими уходит в запредельную

сферу, что мир полон отражениями Вечного Бытия, Вечной Красоты. Правда, мы все любим «любовью раздробленной», не умеем это слить в единство, но самое Бытие — «едино, цельно, неделимо»¹¹.

Внимание к сопряжённости русской поэзии и философии как к теме философской рефлексии сохранилось и в советский период развития отечественной философской мысли. Из ставших наиболее известными (как теперь говорят, «цитируемых») следует назвать исследования Ю. Манна «Русская философская эстетика» (1969), Е.А. Маймина «Русская философская поэзия» (1976), Л. Гинзбург «О лирике» (1997), Антологии «Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век». (Сост. и автор вст. статьи Р.А. Гальцева. М., 1999), «Поэзия как жанр русской философии». (Сост. и автор вст. статьи И.Н. Сиземская. М., 2007); статьи — З.Г. Минца «Владимир Соловьёв — поэт // Блок и русский символизм. Избранные труды в трёх томах. Поэтика русского символизма. СПб., 2004, И.Н. Сиземской «Русская философия: согласие ума и сердца // Вопросы философии. 2006. № 3, Л.Н. Столовича «Философия в поэзии и поэзия в философии» // Вопросы философии. 2009. № 7.

В продолжение обсуждения рассматриваемой теме следует сказать и ещё о двух изданиях, подтверждающих незатухающий интерес к поэзии профессиональных философов. В 1995 году вышел сборник «Волхонка 14. Стихотворения». Ред.-сост. доктор философских наук, известный логик М.М. Новосёлов, сам выпустивший не один сборник своих стихотворений. В названный сборник вошли стихи сотрудников Института философии РАН, института человека и кафедры философии Российской Академии наук.

В 2011 году в Бостоне (на русском языке) вышла Антология «Поэзия русских философов XX века» (Сост. М. Сергеев и Л. Столович, вст. статья Л. Столовича).

Составители Антологии, знакомя читателя с современной философской поэзией, пытаются, ответить на старый, волнующий и философов и поэтов, вопрос: какое место занимает философия между познавательной и ценностно-ориентированной человеческой деятельностью и может ли философия

создавать картины мироздания, на что она не без основания претендует, только средствами логического мышления? Подборка стихов отвечает на этот вопрос однозначно: между философией и поэтическим творчеством нельзя провести разделения уже по одному тому, что поэт и философ черпают вдохновение из одного источника, а философская лирика, если поэт исповедует этот жанр, демонстрирует нерасторжимость «согласия ума и сердца».

В Антологию включены поэтические шедевры Л. Карсавина («Венок сонетов», «В сомнении коснею у порога небытия...», «С тобой в Тебе из точки неприметной ...», «Влечёт, грозя судьба...»), П. Флоренского («Два завета», «Две ночи», «Душа себя найти желает...», «Звезде утренней», «Песнь восхождения») А. Лосева («У снегов Эльбруса», «Оправдание»). Вот лишь два из таких поэтически-философских шедевров:

*В сомнении коснею у порога
Небытия (начала и конца). –
Нет без меня познанья, нет и Бога:
Без твари быть не может и Творца,
Как быть не может твари совершенной
Без твоего тернового венца.
(Л. Карсавин)*

*Вновь пред Тобой простираясь, ломаю я руки;
С горькой полынью в устах исповедую вновь
отречение.
Вновь припадаю к доскам, чтоб опять душить
свои муки –
Взлётов бескрылых стремленье.
Господи, Господи! Видишь Твоим быть хочу я.
Господи сладкий! Я холодом горьким отчаянья
вею...
Дождь застучал ... Ветер рвётся, листьями
окошки бичуя.
Вновь я любить не умею.
(П. Флоренский).*

Здесь поэзия, как и сто лет назад, утверждает своё право быть посредником между Богом и человеческим «Я», а философия — право смотреть на мир глазами (сердцем!) поэта. И в том, и в другом случае (в сомнении-прозрении человека на пороге смерти, и в молитве-отчаянии человека, почувствовавшего себя брошенным Богом) трудно провести грань между художественной формой и философским смыслом.

¹¹ Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии // Поэзия как жанр русской философии. Антология / Сост., автор вст. статьи и научных комментариев И.Н. Сиземская. М., 2007. С. 57.

Всё то же философско-поэтическое видение мира, чарующее пантеистическим восприятием природы, всё те же исполненные глубокого смысла образы, всё тот же «импрессионизм мысли» и та же способность выразить поэтическим словом невыразимость «запредельного».

*Благословен будь тот, кому родиться
и кто выходит завтра из игры!
Я счастлив тем, что в мир пришёл частицей
великой силы, движущей миры.*
(Вел Петрицкий)

В самом деле, поэзия не знает для себя бега времени, поэт — он всегда поэт. Представленные в Антологии стихи Ю. Борева («Вечное беспокойство», «Бывает: налаженный быт и уют...»), Л. Столовича («Простота», «Могила Канта», «Алексею Фёдоровичу Лосеву»), М. Сергеева («Моё поколение», «Кредо», «Молитва св. Патрика»), Л. Матрос («Каждому в жизни раз», «В даль светлую, «Если бы»), С. Пяташа («Молитва», «Дельфин», «Я», «Аничков мост») подтверждают эту старую истину. Представленная в Антологии поэзия несёт в себе черты, которые унаследовала и смогла донести до нашего времени от философской лирики XIX века.

И ещё один важный момент, свидетельствующий о сохраняющейся верности этому жанру. — На включённых в Антологию стихотворениях лежит печать специфического мироощущения — русской

интеллигенции с её сомнениями, рефлексией, готовностью защищать идеи гуманизма, с её всплесками покаяния, призывами к жертвенности и подвижничеству.

*Прими таким, как есть, о Боже,
Не оттолкни заблудший дух.
Мне помоги к себе стать строже,
Чтобы не стал я к правде глух.*
(С. Пяташ)

Правда, время сохранило и свойственное русскому интеллигенту «двойное сознание», принципом которого является «опровергающая самого себя система оценок текущих событий, истории, социума»¹². Но эта тема в названной Антологии проходит в наименьшей степени, хотя социальный контекст в ней, разумеется, присутствует.

Обращение к выбранной теме имело целью не только подтвердить исходную идею о глубокой, внутренней связи отечественной философии и поэзии. Оно было так же продиктовано мыслью, что без должного учёта этого факта (как данности нашей интеллектуальной истории) ускользают существенные моменты, позволяющие адекватно представить (и понять) историю отечественной философии и особенности нашего национального самосознания.

Список литературы:

1. Андреевский С.А. Литературные чтения. Баратынский, Достоевский, Гаршин, Некрасов, Лермонтов, Лев Толстой. Изд. 2-е. СПб., 1891.
2. Гинзбург Л. О лирике. М., 1997.
3. Ильин И.А. Одинокий художник. Статья. Речи. Лекции. М., 1993.
4. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М., 1976.
5. Мандельштам О.Э. Об искусстве. М., 1991.
6. Манн Ю. Русская философская эстетика. М., 1969.
7. Мережковский Д.С. В тихом омуте. Стихи и исследования разных лет. М., 1991.
8. Поэзия как жанр русской философии. Антология / Сост., автор вст. статьи и научных комментариев И.Н. Сиземская. М., 2007.
9. Поэзия русских философов XX века. Антология / Сост. М. Сергеев и Л. Столович. Вст. статья Л. Столович. Бостон, 2011.
10. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век. М.-СПб., 1999.
11. Соловьёв Вл. Стихотворения, Эстетика. Литературная критика. М., 1990.
12. Столович Л.Н. История русской философии. Очерки. М., 2005.

¹² Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. М., 1997. С. 216.

13. Струве Глеб. О четырёх поэтах. (Блок, Сологуб, Гумилёв, Мандельштам). Лондон, 1981.
14. Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.Н. Никольского, П.П. Перцова и Вл. Соловьёва / Сост. П. Перцов. СПб., 1896.
15. Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

References (transliteration):

1. Andreevskii S.A. Literaturnye chteniya. Baratynskii, Dostoevskii, Garshin, Nekrasov, Lermontov, Lev Tolstoi. Izd. 2–e. SPb., 1891.
2. Ginzburg L. O lirike. M., 1997.
3. Il'in I.A. Odinskii khudozhnik. Stat'. Rechi. Lektsii. M., 1993.
4. Maimin E.A. Russkaya filosofskaya poeziya. M., 1976.
5. Mandel'shtam O.E. Ob iskusstve. M., 1991.
6. Mann Yu. Russkaya filosofskaya estetika. M., 1969.
7. Merezhkovskii D.S. V tikhom omute. Stikhi i issledovaniya raznykh let. M., 1991.
8. Poeziya kak zhanr russkoi filosofii. Antologiya / Sost., avtor vst. stat'i i nauchnykh kommentariiev I.N. Sizemskaya. M., 2007.
9. Poeziya russkikh filosofov XX veka. Antologiya / Sost. M. Sergeev i L. Stolovich. Vst. stat'ya L. Stolovich. Boston, 2011.
10. Pushkin v russkoi filosofskoi kritike. Konets XIX-XX vek. M.-SPb., 1999.
11. Solov'ev Vl. Stikhotvoreniya, Estetika. Literaturnaya kritika. M., 1990.
12. Stolovich L.N. Istoriya russkoi filosofii. Ocherki. M., 2005.
13. Struve Gleb. O chetyrekh poetakh. (Blok, Sologub, Gumilev, Mandel'shtam). London, 1981.
14. Filosofskie techeniya russkoi poezii. Izbrannye stikhotvoreniya i kriticheskie stat'i S.A. Andreevskogo, D.S. Merezhkovskogo, B.N. Nikol'skogo, P.P. Pertsova i Vl. Solov'eva / Sost. P. Pertsov. SPb., 1896.
15. Frank S.L. Kosmicheskoe chuvstvo v poezii Tyutcheva // Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie. SPb., 1996.